

Вопрос о наказании нацистских военных преступников в дискуссиях руководителей антигитлеровской коалиции

М. Ю. Мягков*

Отечественные и зарубежные историки достаточно подробно изучили основные моменты взаимодействия СССР, США и Великобритании в вопросе придания главных нацистских преступников суду международного военного трибунала. Хорошо известно, что уже 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны, В. М. Молотов подчеркнул, что вся ответственность за развязывание агрессии лежит на фашистских главарях. 14 октября 1942 г. НКВД заявил, что советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии. О справедливом наказании военных преступников говорилось и в Московской декларации 1 ноября 1943 г. Она предусматривала, что те немцы, которые повинны в совершении убийств (расстрелов) представителей европейских народов, находящихся под оккупацией, будут впоследствии возвращены в те страны, где они совершали свои преступления, и предстанут там перед судом¹. Несмотря на то что Великобритания и США первоначально выступали за казнь главных нацистских преступников на основе политического решения и за судебное разбирательство только в отношении второсте-

пенных преступников фашистской Германии, идея проведения трибунала в конце концов восторжествовала.

Известно, что и советский лидер позволял себе эмоциональные высказывания в отношении внесудебных экзекуций над нацистами. Так, неоднозначную реакцию на Западе, да и в нашей стране вызывает тост Сталина на Тегеранской конференции за то, чтобы после окончания войны были расстреляны не менее 50 тысяч гитлеровцев. Негативная реакция У. Черчилля на эти слова (которая приписывается часто непониманию им «черного» юмора Сталина) понятна. Однако имеются все основания полагать, что этот пассаж был связан с желанием Сталина еще раз напомнить британскому лидеру, насколько кардинально отличается война на территории Советского Союза от событий на других театрах военных действий, какая бескомпромиссная идет борьба на советско-германском фронте, который пока не поддержан высадкой союзников во Франции. В то же время Рузвельт, по-видимому, осознал, что советский лидер просто провоцирует премьера. Он поддержал мрачную шутку и назвал «компромиссную» цифру — 49 500 чел.

На Квебекской конференции 1944 г. лидеры США и Великобритании обсуждали американский «план Morgenthau» и английский — мемо-

* Михаил Юрьевич Мягков — д.и.н. профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У).

рандум Саймона. В документах предлагалось составить список из 50 или 100 лиц высших нацистских руководителей, подлежащих расстрелу без суда после установления их личности. Но Сталин в октябре 1944 г. высказался перед Черчиллем за основание именно международного суда. В Ялте советская позиция оставалась четкой и неизменной. Несмотря на свои колебания Рузвельт после возвращения из Крыма одобрил меморандум гласного международного суда, в подготовке которого приняли участие видные государственные деятели США Г. Стимсон, Э. Стеттиниус, С. Розенман и др.

На совещание в Сан-Франциско 1945 года американская сторона прибыла с проектом соглашения о создании Международного военного трибунала. К этому времени изменилась и позиция Великобритании. Важнейшее значение имела конференция в Лондоне (июнь–август 1945 г.) представителей СССР, США, Великобритании и Франции по разработке соглашения о суде над нацистскими преступниками.

Хотелось бы кратко остановиться на ряде сюжетов (сопутствующих событий, суждений и документов руководства антигитлеровской коалиции), которые, возможно, более рельефно обозначают процесс выработки ими общих подходов в отношении наказания нацистских главарей и возникавшие в связи с этим противоречия.

Отметим, что реакция Черчилля на упомянутый гост Сталина за расстрел 50 тыс. немецких офицеров, казалось, доказывает резкое неприятие им внесудебных экзекуций. Однако есть и другие свидетельства, говорящие как раз об обратном. С 1942 г. премьер одобрял подобного рода казни, следуя в фарватере советов своих помощников и представителей Форин Офиса. Их точка зрения сводилась к тому, что высшие нацистские бонзы должны быть уничтожены сразу после установления их личности; международный суд не нужен, поскольку его основание будет слишком долгим и обременительным процессом. Лорд Джон Саймон в своем меморандуме для военного кабинета в сентябре 1944 г. заявлял, что метод судебного разбирательства, осуждения и законного приговора совершенно неприемлем для таких пресловутых зачинщиков войны, как Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп². Сам Черчилль вскоре после Квебекской конференции 1944 г. подготовил проект телеграммы для Сталина, в котором он (от своего имени и име-

ни Рузвельта) предлагал быстрое уничтожение высших руководителей Третьего рейха, всего через шесть часов после их захвата (в первом черновом варианте — даже всего спустя один час). Черчилль брал на себя право утверждать, что «вопрос о судьбе нацистского руководства является политическим, а отнюдь не юридическим». Однако эта телеграмма никогда не была послана Сталину. Премьер объяснял такое поведение необходимостью учитывать отношение немцев к британским военнопленным. Военный кабинет предупреждал о возможности германских репрессий против англичан в немецких лагерях и считал, что последующие события должны подсказать наилучший курс в этом вопросе³.

Что касается Рузвельта, то он избегал пока становиться на твердую позицию. Причину такого поведения можно найти в нежелании обострять противоречия среди союзников. Но стоит также подчеркнуть, что для американского президента было своего рода правилом не вдаваться в детали послевоенного устройства, конкретное разрешение тех или иных послевоенных проблем, пока это не становилось насущной необходимостью. В равной степени это касалось и вопросов наказания военных преступников, отношения союзников к поверженной Германии.

В этой связи интересно привести такой пример, относящийся к работе Тегеранской конференции. Так, во время ужина 28 ноября между Сталиным и Рузвельтом получила продолжение тема предъявления условий капитуляции Германии. Этот вопрос обсуждался до этого Хэллом, Молотовым и Иденом на Московской конференции в октябре 1943 г. Кремль, исходя прежде всего из военных соображений, продолжал опасаться усиления сопротивления противника в случае оглашения в данный момент именно «безоговорочных» условий мира.

«Тов. Сталин сказал Рузвельту, что требование безоговорочной капитуляции со стороны союзников подхлестывает людей во вражеских армиях, заставляя их сражаться с ожесточением, так как безоговорочная капитуляция им кажется оскорбительной. Поэтому он, тов. Сталин, желал бы знать, что думает Рузвельт по поводу того, чтобы разработать, что означает „безоговорочная капитуляция“, то есть определить, какое количество оружия, средств транспорта и т.д. должен выдать противник и затем огласить эти условия, не называя их безоговорочной капитуляцией. Рузвельт не дал определенного ответа

на этот вопрос, перейдя к рассказу о том, как он учился и жил в Германии в своем юношеском возрасте. Иден, сидевший недалеко от тов. Сталина, внимательно выслушал вопрос, поставленный тов. Сталиным»⁴.

Однако после Тегеранской конференции Рузвельт был вынужден уделять вопросу об отношении к Германии и наказании нацистских преступников большее внимание. Над ним работали ведущие представители государственного аппарата США. Некоторые из них старались получить прямую поддержку президента. Так, ближайший помощник Рузвельта министр финансов Г. Моргентау вынашивал идею самого жесткого отношения к Третьему рейху и нацистским главарям. В меморандуме для президента он предлагал полное экономическое разоружение Германии, «пасторализацию» страны, быстрый расстрел главных военных преступников после их идентификации⁵.

Рузвельт самым серьезным образом относился к идеям Моргентау и одно время, в частности, в период Квебекской конференции 1944 г., отдавал им предпочтение. Правда, неизвестно, знал ли он, например, что его министр финансов предлагал примерно в то же время в частных беседах с ответственными деятелями США уничтожить всех членов нацистской партии. Когда ему сказали, что ведь это, вероятно, 13 млн немцев, Моргентау ответил, что навряд ли: их наберется не более 5 млн человек⁶.

Убежденный противник Моргентау, человек, считавший, что план министра финансов будет опасен для строительства будущего мира и станет угрожать стабильности в послевоенной Европе, военный министр Г. Стимсон предлагал радикально отличное отношение к Германии. Это отношение предусматривало помощь в утилизации военных мощностей и в восстановлении экономики страны в послевоенное время. Политика в отношении военных преступников должна была, по его мнению, стать частью такого конструктивного подхода. Все это Стимсон изложил в меморандуме президенту в сентябре 1944 года⁷.

Первоначальное положительное отношение Рузвельта к плану Моргентау оказалось недолговечным. Из-за нежелания президента лично заниматься этим вопросом, пока с ним определяются британцы и русские, а также из-за серьезной оппозиции внутри страны Рузвельт отдал его разработку на откуп своим подчиненным. Лишь затем он собирался принять окончатель-

ное решение. Такой поворот событий позволил Стимсону, сотрудникам военного ведомства, равно как и Госдепартаменту, получить время для детальной проработки стратегии по отношению к Германии и нацистским преступникам в послевоенный период.

Уже 11 ноября 1944 г. Стимсон, К. Хэлл и глава военно-морского министерства Дж. Форрестол направили президенту записку, в которой, в частности, указывали, что нацистских преступников, главарей рейха, членов СС и гестапо необходимо судить законным образом. Судопроизводство должно носить беспристрастный характер и не быть политическим. Действия стран «оси» должны быть рассмотрены, исходя из норм международного права⁸. Более проработанный план организации суда над нацистскими преступниками появился в США накануне Ялтинской конференции и был доложен Рузвельту 22 января 1945 г. Стимсоном, новым госсекретарем Э. Стеттиниусом и подполковником М. Бернейсом (главой департамента специальных проектов военного министерства). Впоследствии этот документ стал основой стратегии США в вопросе об организации международного процесса. В нем, в частности, говорилось: «После того как Германия безоговорочно капитулирует, Объединенные нации могут, если они так решат, предать смерти самых главных нацистских преступников — таких как Гитлер и Гиммлер — без гласности и суда. Мы не приветствуем такой метод... это нарушит самый фундаментальный принцип правосудия, общий для всех Объединенных наций. Это подвигнет немцев относиться к этим преступникам как к мученикам, и в любом случае таких преступников будет немного. Мы считаем, что самым справедливым и эффективным разрешением проблемы станет использование метода правосудия. Приговор для этих преступников после суда получит максимум общественной поддержки в настоящее время и останется в истории. Метод правосудия, кроме того, сделает доступным для всего человечества на все последующие времена изучение уроков ужасных нацистских преступлений». В записке также говорилось о необходимости осуждения вместе с нацистскими лидерами и таких криминальных организаций, как СА, СС, гестапо, учреждения международной военной комиссии или военного суда для осуждения главных нацистских лидеров⁹.

Примечательно, что практически в то же время, 20 января 1945 г., о будущей судьбе нем-

цев и Германии беседовали И. Майский, являвшийся тогда заместителем наркома иностранных дел СССР и одновременно председателем комиссии по возмещению ущерба, нанесенного нацистской Германией и ее союзниками, и посол США в Москве А. Гарриман. Гарриман подчеркнул, что на предстоящей конференции в Крыму Рузвельт, несомненно, захочет поднять вопрос о послевоенной Германии, обсудить проблему раздробления страны и репараций. Посол, пытавшийся прояснить советскую позицию, был удовлетворен высказываниями Майского о продолжительности репараций, рассчитанных примерно на 10 лет после войны. Он не удивился, когда речь зашла о миллионах немцах, требуемых в качестве рабочих рук в СССР для восстановления его экономики, согласился с тем, что германская тяжелая промышленность по большей части должна быть ликвидирована, а ее индустрия соответствовать лишь удовлетворению «собственных действительных экономических нужд» страны¹⁰. Для Гарримана, который своими глазами видел невероятные усилия, жертвенность народов СССР в ведущейся войне, достоверно знавшего о гигантских потерях советских людей, не было никаких оснований возражать против объективных требований Москвы в возмещении ущерба и ликвидации будущей угрозы со стороны Германии. Отметим также, что речь Майского не содержала никаких слов о политическом, внесудебном уничтожении нацистских преступников.

Идея суда над нацистскими преступниками ко времени начала Ялтинской конференции стала преобладать в кругах американской политической элиты над планом Morgenthau. На самой конференции лидеры Большой тройки уделили проблеме суда не так много внимания. Однако известно, что Рузвельт на встрече в Ливадийском дворце 4 февраля постарался завоевать доверие своих собеседников — Сталина и Молотова, говоря о своем потрясении от виденных в Крыму разрушений. Он сказал, что теперь чувствует большее ожесточение в отношении немцев, и, если Сталин поднимет тост за казнь 50 тысяч немецких офицеров, он его поддержит. Вполне вероятно, что президент тем самым старался уменьшить советские подозрения в отношении позиции Запада в деле голосования в международной организации безопасности, будущего устройства Европы и т.д.¹¹. Но Рузвельту не пришлось поддерживать Сталина в этом тосте. Советский лидер

занимал четкую линию в отношении суда над нацистскими преступниками.

Добавим, что в то время весьма распространенным было убеждение, что главные лидеры рейха могут быть захвачены в плен живыми. Это могло повлечь за собой их допрос с обнаружением некоторых неудобных для Запада подробностей предвоенного периода. Такую точку зрения разделял и Черчилль. На Ялтинской конференции британский премьер предложил Сталину составить список «главных преступников», «которые должны быть расстреляны сразу после того, как их схватят и установят их личность». Как отмечает биограф Черчилля М. Гилберт, британский премьер потом спросил Сталина, предпочитает ли тот, чтобы «главные преступники были судимы перед казнью», другими словами, «должен ли это быть скорее юридический, чем политический акт»? Сталин ответил, что да, он предпочитает суд. Однако Рузвельт прокомментировал этот обмен мнениями следующим пассажем: суд «не должен быть слишком юридическим. Он хотел бы, чтобы представители прессы и фотографы держались поодаль от процесса до того момента, пока преступники не будут казнены»¹².

На Ялтинской конференции, равно как в последующих дискуссиях дипломатов в конце февраля — марте 1945 г., позиция американцев и британцев по отношению к суду над нацистами так до конца и не прояснилась. Лишь после смерти Рузвельта его преемник Г. Трумэн занял более четкую линию. Он одобрил идею суда и вскоре назначил Р. Джексона «председателем совета по судебному расследованию преступлений стран „оси“». 3 мая на конференции в Сан-Франциско американский представитель С. Розенман вручил членам делегаций проект организации международного суда над нацистскими главарями.

В тот же день состоялась встреча госсекретаря США Э. Стеттиниуса, С. Розенмана, наркома иностранных дел В. Молотова и главы Форин офиса А. Идена. Американские представители пояснили свою позицию, указав на важность основания международного трибунала над нацистами и назначения в него представителей союзников. Розенман высказался за возможность определить несколько категорий нацистских преступников: а) высшие лидеры, такие как Гитлер, Геринг, Геббельс, Муссолини и еще два или три человека, с которыми пока невозможно определиться; б) преступники,

которых нужно возратить в страны, где они совершали свои преступления; в) лица, чьи преступления невозможно локализовать по географическому принципу; г) преступники, в отношении которых пока еще нет четких доказательств, поскольку либо еще не обнаружены достоверные факты совершенных ими злодеяний, либо не найдены свидетели, многие из которых, несомненно, были убиты этими же преступниками. В качестве примера указывались представители таких организаций, как гестапо, войска СС, чьи преступления нужно было доказать; д) преступники должны быть наказаны не только за свои преступления, но также (по мнению американской стороны) по причине того, что они могут составить ядро будущей нацистской партии и поднять восстание.

Госсекретарь Стеттиниус предложил пригласить в состав суда и французов. Молотов и Идеен не возражали.

Интересно высказывание Идеен. Он подчеркнул, что «его коллеги в Лондоне рассматривали этот вопрос некоторое время. Их позиция состояла в том, чтобы к главным военным преступникам, к семи или восьми высшим нацистам, не должны применяться юридические процедуры. Однако эта позиция недавно изменилась под влиянием факта, что многие из этих нацистов к настоящему времени уже убиты и нет сомнения, что еще большее их число будет убито в ближайшие несколько дней». Далее Идеен признал, что военный кабинет Великобритании все еще находит некоторые возражения против формального суда над преступниками, чьи преступления не могут быть отнесены к конкретной географической области. Однако правительство согласится с проведением юридических процедур, если два других великих союзника хотят именно такого порядка ведения дел. Лондон считал бы также необходимым предварительно ознакомиться с деталями проекта по ведению процесса.

Со своей стороны В. М. Молотов заявил, что он «чувствует, что Розенман сделал предложение, касающееся дела огромной важности и что мы должны уделить ему большое внимание». Молотов оставлял за собой право высказать мнение

советского правительства по представленному документу, добавив, что в настоящее время трудно дать ему какой-либо комментарий. Он попросил времени для изучения материала, и, после того как это будет сделано, они могут попросить экспертов высказать свои соображения. В заключение Стеттиниус подчеркнул, что представленный проект получил полную поддержку американского правительства и выразил надежду на то, что три страны в ближайшее время назначат своих представителей, чтобы обсудить все технические детали процесса¹³.

Важнейшим шагом к основанию международного военного трибунала стали решения Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.), в которых содержался следующий пункт: «Военные преступники и те, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду». 8 августа 1945 г. правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили в Лондоне соглашение (к нему присоединились 19 других государств), в соответствии с которым был создан Международный военный трибунал¹⁴.

В заключение отметим, что Москва постоянно следила за подготовкой и работой Международного трибунала. В сентябре 1945 г. решением советского правительства была создана специальная Комиссия во главе с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским по подготовке обвинительных материалов для советского представителя в Международном военном трибунале. Обвинение было подготовлено детально и тщательно. Последовательная позиция СССР в деле гласного осуждения главных нацистских преступников сделала возможным провести процесс, который и спустя 60 лет после своего окончания служит уроком и напоминанием тем силам, которые стремятся извратить историю Второй мировой войны, принизить вклад Советского Союза в разгром бесчеловечной военной машины, претендовавшей на мировое господство, считают себя выше международного закона и игнорируют права других народов.

¹ Marrus M. The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46. Boston, N.Y., 1997. P. 21.

² Ibid. P. 23.

³ Bass G.J. Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals. Princeton and Oxford, 2000. P. 182.

⁴ Запись разговора И. Сталина с Ф. Рузвельтом во время ужина 28 ноября 1943 г. — Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 5в. П. 42. Д. 8. Л. 23.

- ⁵ Smith B. *The American Road to Nuremberg: The Documentary Record, 1944–1945*. Stanford, 1982. P. 28–29.
- ⁶ Morgenthau Diary. Vol. I-II. Boston, 1959–1965. Vol. 1. P. 559.
- ⁷ Foreign Relation of the Unites States (далее: FRUS): *The Conference at Quebec, 1944*. Washington, D.C., 1972. P. 123–125.
- ⁸ Smith B. *The American Road to Nuremberg: The Documentary Record, 1944–1945*. Stanford, 1982. P. 42–44.
- ⁹ Marrus M. *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46*. Boston, N.Y., 1997. P. 30–31.
- ¹⁰ US. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Cont 174.
- ¹¹ Уткин А. И. *Дипломатия Франклина Рузвельта*. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 489.
- ¹² Marrus M. *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46*. Boston, N.Y., 1997. P. 32–33; см. также Gilbert M. Winston S. Churchill, 1941–1945: *Road to Victory*. L., 1986. P. 1201–02.
- ¹³ FRUS, 1945, Vol. 3. *European Advisory Commission; Austria; Germany*. Washington, D.C., 1968. P. 1162–64. См. также: Marrus M. *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–1946*. Boston, N.Y., 1997. P. 35–38.
- ¹⁴ В состав Трибунала на паритетных началах вошли: от СССР — заместитель председателя Верховного суда генерал-майор юстиции И. Никитченко, от США — член федерального Верховного суда Ф. Биддл, от Великобритании — главный судья лорд Д. Лоренс, от Франции — профессор уголовного права Д. де Вабр. Председательствующим был избран Лоренс. Обвинение было представлено: от СССР — прокурором Украинской ССР Р. Руденко, от США — членом федерального Верховного суда Р. Джексоном, от Великобритании — генеральным прокурором Х. Шоукроссом, от Франции — министром юстиции Ф. де Ментоном (позднее его сменил Ш. де Риб). Кроме того, каждый главный обвинитель располагал небольшим штатом заместителей и помощников. В число обвиняемых вошли 24 политических и военных деятеля (Лидеров Третьего рейха казнили по закону// Наше время. 25–31 октября. № 16.).